

тивного сознания, включая и бессознательное. Ментальность – это определенная внутренняя сумма готовностей, установок и предрасположенностей социального субъекта мыслить, чувствовать, действовать и воспринимать мир определенным образом [7].

Таким образом, в настоящее время проблема соотношения понятий «семья» и «менталитет» остаётся открытой, так как одни исследователи считают, что семья и её традиции формируют менталитет, тогда как другие склонны утверждать, что всё-таки менталитет определяет традиции семьи. Кроме того, следует учитывать и тот факт, что, несмотря на неупорядоченность в терминах и понятиях национального сознания, национального характера, менталитета, ментальности, на данном этапе развития науки, как справедливо утверждает В.А. Пищальникова, целесообразнее сосредоточить внимание на изучении соотношения и способов взаимодействия ментальностей отдельных социальных (и других) групп в пределах социума (этноса). Отсюда необходимость обращения к экспериментальным исследованиям, проявляющим содержание национально специфического компонента концептуальных систем [7].

Список литературы

1. Педагогика: учеб. / Л.П. Крившенко [и др.]. – М.: ТК Велби, Проспект, 2006. – 432 с. – ISBN 5-482-00857-6.
2. Маслова, В.А. Современные направления в лингвистике: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2008. – 272 с. – ISBN 978-5-7695-4385-2.
3. Молодёжь Забайкалья: творчество и прогресс: VIII международная молодёжная научно-практическая конференция., 21-22 апреля 2004 г., Чита / отв. ред. Л.М. Любимова. – Чита: ЧитГУ, 2004. – Ч.1 – 256 с.
4. Пидкасистый П.И. Педагогика: учебное пособие. – М.: Высшее образование, 2007. – 430 с. – ISBN 5-9692-0091-3.
5. Столяренко Л.Д. Основы психологии: 9-е изд. учебное пособие. – Ростов н/Д: Феникс, 2004. – 672 с. – ISBN 5-222-04977-9.
6. Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. – с. 640. – ISBN 5-222-00121-8.
7. Культурная картина мира: [сайт]. URL: http://revolution.allbest.ru/culture/00012202_0.html (дата обращения: 23.11. 2010).
8. Семья: [сайт]. Материал из Википедии – свободной энциклопедии. – URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D0%B5%D1%8C%D1%8F> (дата обращения: 29.11.10).

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА КАК СЕМИОТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ

Гришанина Е.А., Чибисова О.В.

*Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, Комсомольск-на-Амуре,
e-mail: grishanina_katyschka@mail.ru*

Согласно проведенному исследованию, язык является одним из основных семиотических систем, используемых в наше время людьми для передачи сообщений о своих мыслях и переживаниях, оценках и намерениях, о результатах своей познавательной деятельности или о каких-либо ситуациях в мире. Но язык не существует вне культуры, он – проявление специфически человеческой жизнедеятельности, которая сама в свою очередь является реальным бытием языка. Языком культуры называются те средства, знаки, формы, символы, тексты, которые позволяют людям ориентироваться в пространстве культуры. Это универсальная форма осмысления реальности, в которую организуются представления, восприятия, понятия, образы и другие подобного рода смысловые конструкции. Языки разделяются на: **естественные языки**, как основное и исторически первичное средство познания и коммуникации (русский язык); **искусственные языки** – языки науки (математический язык); **вторичные языки** – коммуникационные структуры (миф, религия, искусство). Между реальным миром и языком стоит мышление, поскольку слово отражает не сам предмет, а то, как человек видит его через призму той картины мира, которая детерминирована его культурой. Таким образом, окружающий человека мир можно предста-

вить в трех формах: *реальный мир* (объективная действительность, существующая независимо от человека); *культурная картина мира* (отражение объективной действительности через призму понятий) и *языковая картина мира* (отражение объективной действительности через культурную картину мира). Путь от реального мира к понятию и выражению этого понятия в слове различен у разных народов, так как он зависит от природных климатических условий и социального окружения, следовательно, у каждого народа своя история и своя культурная и языковая картины мира. Нами было разработано практическое занятие, в котором содержатся задания: на понимание, интерпретацию текста; тестовые задания с выбором ответа; задания на перевод; задания на размышление и т.д. Оно может проводиться в рамках таких дисциплин как основы теории межкультурной коммуникации, культурология и практикум по межкультурной коммуникации.

ФРЕЙМЫ ВОЕННОЙ ТЕМАТИКИ В АВТОРСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В.П. АСТАФЬЕВА «ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ»

Давыдова Е.О.

*Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского,
Чита, e-mail: gerba1188@mail.ru*

Ученых издавна волновала мысль о том, что язык связан с духовной жизнью народа. В конце XVIII – начале XIX вв. эта мысль нашла яркое воплощение в трудах немецкого филолога Вильгельма фон Гумбольдта (1767-1835), который много писал о языке как об «объединенной энергии народа», о влиянии «характера языка на субъективный мир», о том, что «в каждом языке заложено самобытное мирозерцание». Развитие этих идей можно найти в трудах отечественных лингвистов и философов: А.А. Потебни (1835-1891), А.Ф. Лосева (1893-1988) и других, в лингвистических дискуссиях XX века о связи межъязыковых различий со своеобразием культур, языка с мировосприятием нации (или этноса как национального образования любого типа – нации, народности, национальности). В современной науке сложилось понимание, с одной стороны, универсальности познавательных (когнитивных) механизмов человеческого восприятия мира и использования языка во всех его функциях, а с другой – зависимости отраженной в языке и формирующейся посредством языка картины мира от исторического опыта и культурно-национальных черт этноса [4; 45].

Картина мира определяется как совокупность знаний человека о мире, система жизненных ориентиров, культурных установок и стереотипов, этических ценностей, систематизированных и интегрированных в некое целое [2; 384]. Национальная картина мира проявляется в общих представлениях людей, принадлежащих к одному этносу, о действительности; в их однотипных реакциях на типичные ситуации, в сходных оценках и суждениях. В языке запечатлена наиболее существенная и важная часть этих общих представлений, поэтому говорят о языковой картине мира, которая выступает как своего рода «коллективная философия», – язык ее «навязывает» в качестве обязательной всем носителям этого языка. Вот почему считается, что язык дает важные сведения о специфике национального когнитивного мировосприятия и национального характера [3; 67].

Текст, являясь продуктом речевой деятельности писателя, репрезентирует фрагмент концептуальной картины мира (ККМ) автора. С этой точки зрения исследование сущности, функционирования и структуры ККМ писателя, отражающей его индивидуальность, неповторимость и особенность, является од-

ним из важных аспектов в проявлении общего и универсального в произведении автора, пишущего о войне, В.П. Астафьева «Прокляты и Убиты».

На материале II главы романа В.П. Астафьева «Прокляты и Убиты» рассмотрим фрейм, связанный с тематикой ведения боевых действий и отметим неповторимость использования автором языковых слогов, отражающие его отношение к действительности. Для обозначения данного фрейма используются следующие языковые единицы: *нанести урон врагу, (отступление) отступить, истреблять беспощадно, продолжать (вести) наступление, вести огневой бой, отражать атаки, разрушать группы противника, подавлять огонь, атаковать с фланга, обороняться, обойти противника с фланга, сбить противника, закрепиться на достигнутых рубежах, уничтожить, победить, крушить, отбить атаки, освободить народ, покарать, подбить, захватить, закопать, зарыть*[1; II гл.]. Каждая языковая единица, в данном случае это глаголы, которые четко отображают цель, направленную на победу и подавление врага.

Характерной чертой для русского солдата было, идя в бой *маршировать и петь; с дружной песней. «Шли по степи полки со славой громкой», «Раз-два-три, Маруся, скоро я к тебе вернуся», «Чайка смело пролетела над седой волной», «Ой да вспомним, братцы вы кубанцы, двадцать перво сентября», «Эх, тачанка-полтавчанка – все четыре колеса-а-а-а* [1; I гл.]. Эти песни воодушевляли, сплывали и настраивали солдат на победу. Они не позволяли солдатам, чтобы *«бодрость духа испарилась»*, наоборот, помогали бойцам *«собраться с духом»*.

Устойчивым компонентом войны является подразделение людей на чины по долгу службы, а так же на «своих» и на «чужих». В романе В.П. Астафьева можно встретить следующие названия: *маршал, вождь, дневальный, дежурный, полкомвзвод, взводный, коммиссар, красноармеец, солдат, боец, старшина, генерал, капитан* [1; II гл.]. По отношению к врагу, к «чужим» автор использует нелицеприятные определения: *фашист-ирод, враг-фашист, нечистая сила, ненавистный враг социализма*. По отношению к русским солдатам, к «своим», было найдено не мало слов с оценочно-экспрессивной окрашенностью: *табун, звери, самодуры, крохоборец (собирающий крохи), лихоимец (жадный вымогатель, взяточник* [5; 455]), *пройдоха (пронырливый, жуликоватый человек* [5; 699]), *припадочный артист, сотоварищи человека, солдатня, собаки, друг и брат всех угнетенных, молодая бртва, кадровый симулянт*. Таким образом, В.П. Астафьев позволяет читателю более образно представить героев романа, их характер и взаимоотношения.

Фрейм «быт» в военное время имеет свои особенности. Автор, описывая героическую жизнь солдат, прибегает к следующим языковым единицам, связанным с обмундированием, питанием и жилищными условиями: *затруднительное положение, мерзлые ботинки, куцая шинель, тесные кальсоны и штаны, святая солдатская пайка, каши и сахара было подозрительно мало, жевать (плакать) втихомолку, дрыхнуть в землянке неудобный ночлег, печи едва нагрелись*. Автор смело описывает все тяготы солдат и их стойкость: *«Коля Рындин терпел тычки и поношения, но вот Булдаков, споткнувшись раз-другой, спинал ботинок сначала с левой ноги, затем с правой, стиснул портянки в горсти и пошел по морозу босиком»*. Не смотря, на все трудности военного времени, солдаты с достоинством переносили неудобства, недостаток, как в пище, так и в одежде.

В романе В.П. Астафьева можно выделить фрейм «военное дело», который есть суть концепта «войны»: *армия, герой, политическая грамотность, стратегия, патриотизм, фронт, рота, дисциплина, казарма,*

приказ, служба (исполнение воинских обязанностей), под угрозой окружения, поле боя, вооружение, батарея противника, воздушные бои, войска, авиация, разведка противника, пехота, танки, орудия, строевая подготовка, крепкий тыл, военная мысль [1].

Рассмотрение лишь некоторых фреймов и компонентов военной тематики на материале одной главы романа В.П. Астафьева «Прокляты и Убиты» позволяет говорить о том, что авторская картина мира отображает всю нелицеприятную действительность военных дней, описывая отвагу русского солдата и его преодоление трудностей.

Список литературы

1. Астафьев В.П. Прокляты и Убиты. – М.: Эксмо, 2009. – 800 с.
2. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. – М.: Ридерз Дайджест, 2004.
3. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. – Мн.: Тетрасистемс, 2004.
4. Николина Н.А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений // Российская Академия наук. Институт русского языка; Российский фонд культуры. – М.: АЗЪ, 1993.

АБАЗИНСКО-ОСЕТИНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Дакохов А.Г.

Карачаево-Черкесская государственная технологическая академия, Черкесск, e-mail: mariatharatokova@yandex.ru

В данной статье мы рассмотрим лексемы, заимствованные из индоиранских языков.

Под иранскими заимствованиями мы имеем в виду древнеиндийские и осетинские (алано-осетинские) заимствования. Предполагается, что древнеиндийские слова, как и алано-осетинские, усвоены устным путем, что первые проникли в абхазо-адыгские языки в далеком прошлом в результате непосредственных контактов между предками абхазо-адыгов и сохранившимися на Кавказе остатками индоарийцев (праиндийцев). Как заимствования из древнеиндийского языка в абазинский язык приводятся слова, означающие «железо», «цена», «овца», «рыболовная сеть», «ведьма, колдунья», «селение», «нож, сабля», «серебро».

Отдельные индоевропеизмы в лексике северокавказских языков, в том числе и абазинского, отмечал П.К. Услар. В частности, абазинское слово айхъа «железо» он рассматривает как индоевропейское заимствование, ср. санскр. *ayah* «медь, бронза, железо».

Абаз. *уаса* «овца» фонетически ближе всего к древнеиндийскому *vasna-h* «покупная цена». На абазинской почве могло произойти выпадение -п- [-н-] в комплексе -сп- [-сп-].

Абазинско-осетинские связи имеют давнюю историю. Свидетельством тому является лексика, заимствованная этими языками друг у друга.

Так, например, в «Списке слов на языке ясов, венгерских алан», датированным 1442 годом, встречается ряд слов, наличных как в абазинском, так и яском.

Таковым, например, является яск – карбац «ячмень», осет. ирон. *керведз* – «ячмень».

Название ячменя утрачено современным абазинским, но сохранилось в обозначении метелки кукурузы, которая называется «кырбыджъ», «анартхъыв акырбыджъ», букв. «кырбыджъ кукурузы».

Слово это, как и некоторые, служащие для обозначения злаков, заимствовано осетинами из кавказских языков. Ср. груз. *кери*, абх. *а-кьар* в том же значении. Сюда же, видимо, следует отнести и осет. *карлзин* «хлеб не – пшеничный, кукурузный, просяной», ибо в первой части этого сложного слова выступает название указанного злака.

В абазинском, яском и осетинском много общих заимствований из других языков, например, тюрк-